

Чакс знал, что при такой ярости народа ему точно не сохранить пост главы Ордена Белых Рыцарей. Он обернулся, глядя на усаживающегося в карету Лу Цзинцяня, и подумал: если бы с самого начала он поверил Хирену, всё закончилось бы иначе.

После ухода Ордена Черных Рыцарей Чакс опомнился и поспешно увёл людей Ордена Белых Рыцарей. Гнев народа нарастал, и если бы он не ускользнул вовремя, его бы наверняка растерзала разъярённая толпа. Тогда он стал бы первым в истории главой ордена, подвергшимся нападению граждан, и ему больше не пришлось бы показываться на людях.

По дороге домой Чакс вспоминал прошлое. Мысли о том, как он полюбил Бонию, теперь казались лишь уловками, с помощью которых тот хотел его использовать. А он так глупо попался на удочку — какая горькая ирония.

Чем больше он вспоминал, тем сильнее злился, а гнев перерастал в ненависть к Бонии. Он не мог ничего не делать, иначе его разорвёт от ярости. Он непременно должен увидеть Бонию, чтобы тот узнал цену за его гнев. Чакс хотел покончить со всеми чувствами, которые раньше питал к нему.

Стратегия против оборотней (18)

Лу Цзинцянь оставил Бонию в живых и не казнил его сразу, потому что хотел использовать его как приманку для других оборотней.

Весть о поимке Волчьего Короля быстро разойдётся, и обязательно найдутся оборотни, которые рискнут ради его спасения. Тогда людям Ордена Черных Рыцарей останется только устроить засаду и поймать их, как рыбу в невод.

Лу Цзинцянь разрешил народу наказывать Бонию в тюрьме не только ради мести, но и чтобы оставить лазейку для оборотней, которые захотят его спасти. Иначе те могли бы не найти способа добраться до него.

Глядя на Бонию, прикованного цепями к столбу в камере, Лу Цзинцянь произнёс:

— Ты, наверное, не ожидал, что однажды окажешься в моих руках? Убийство отца нельзя оставить без мести, поэтому ты должен умереть. Однако я не позволю тебе уйти так легко. Я говорил, что верну тебе нанесённые унижения вдвойне. Готовься терпеть.

— Месть за отца... — с трудом подняв голову, Бония уставился на Лу Цзинцяня. — Я убил твоего отца, чтобы отомстить за своего...

— Мой отец спас тебя, не зная, что ты сын Волчьего Короля. Он убил твоего отца, но при этом воспитал тебя, — сказал Лу Цзинцянь. — И если бы не вы, оборотни, не хотели уничтожить всех людей и захватить континент, если бы твой отец не послал тебя к людям с планом действовать изнутри, когда ты повзрослеешь, мой отец не узнал бы о нём и не убил бы его.

— Оборотни и люди не могут сосуществовать. Мы — естественные враги, и одна сторона должна победить другую, — заявил Бония.

Лу Цзинцянь кивнул:

— Из всего, что ты сказал, я согласен только с этим. Раз мы естественные враги, то не вини меня, что я уничтожу ваш вид. Я очищу этот континент от оборотней, до единого. Это моя миссия в этом мире. И не обвиняй меня в жестокости. Если бы наши роли поменялись, если бы

я проиграл тебе, ты бы тоже меня не пощадил. Ради своего плана захвата континента ты бы не пощадил и других людей. Так что это просто судьба.

— Убей меня, — попросил Бония. — Ради того, что мы выросли вместе, дай мне быструю смерть.

Бония понимал, что ему не избежать гибели, и лучше умереть быстро, чем мучительно.

— Я совершенно не понимаю, как ты с Чаксом можете надеяться, что я буду считаться с прошлыми чувствами, — сказал Лу Цзинцян. — Быстрая смерть? Не будет такого.

Лу Цзинцян развернулся и вышел. Едва он оказался снаружи, как увидел шагающего к нему Чакса.

Чакс, увидев Лу Цзинцяня, замер. Он пришёл требовать объяснений от Бонии, но не думал встретить здесь Лу Цзинцяня. В одно мгновение он осознал, что сейчас только Лу Цзинцян может ему помочь, и, встревожено протянув руку, пошёл к нему:

— Хирен!

Лу Цзинцян тут же отступил на несколько шагов, не давая себя коснуться, и насторожённо спросил:

— Что ты хочешь?

— Хирен, помоги мне! Теперь только ты можешь мне помочь! — Чакс смотрел на него умоляющим взглядом. Он знал, что только Лу Цзинцян сможет помочь ему сохранить пост главы Ордена Белых Рыцарей. Ведь Лу Цзинцян и есть настоящий Пророк, и если он согласится помочь, Чакс не только сохранит положение, но и продолжит держать Орден Черных Рыцарей под контролем. Всё зависело от того, захочет ли Лу Цзинцян помочь.

— Почему я должен тебе помогать? — спросил Лу Цзинцян. — Ты, наверное, забыл, как ты с Бонией обходились со мной? Я говорил, что вы пожалеете и заплатите цену. А теперь хочешь, чтобы я помог? На каком основании?!

— Я знаю, что был неправ, то, что я делал, было ошибкой, но меня же обманули! — оправдывался Чакс. — Всё, что я сделал, было из-за обмана Бонии. Я тоже жертва, ты должен понять меня!

— Ты действительно один из тех, кого обманули, но у меня нет ни желания, ни обязательства тебя понимать. Ты уже причинил мне боль, и по какой бы то ни было причине я не хочу тебя понимать и уж тем более помогать.

С этими словами Лу Цзинцян хотел обойти его и уйти.

— Хирен! Ты не можешь меня бросить! Если даже ты не сможешь, мне некому будет помочь!

— Чакс бросился к нему, пытаясь обнять. — Хирен!

Лу Цзинцян не успел увернуться, и Чакс чуть было не схватил его, но едва его пальцы коснулись одежды, как он внезапно отлетел назад и жестоко ударился о землю.

Антуан вонзил меч в землю, и на шее Чакса появилась кровавая полоса. Мешок вонзился в землю совсем рядом с шеей, и, несмотря на сильную боль от падения, Чакс не смел

пошевелиться, увидев убийственный блеск в глазах Антуана.

Взгляд Антуана был холоднее и острее меча. Смотрев сверху вниз на Чакса, он произнёс:

— Если в следующий раз осмелишься прикоснуться к нему, мой меч отрубит тебе голову.

Чакс не двигался, но в душе всё ещё злился на Антуана и возмущённо воскликнул:

— Я глава Ордена Белых Рыцарей! Ты посмел поднять на меня руку — это объявление войны между орденами! Думаешь, народ это допустит?!

— Скоро ты перестанешь быть главой Ордена Белых Рыцарей, — опустив глаза, без всякого тепла произнёс Антуан. — Когда ты, уже как простой гражданин, посмеешь бросить вызов главе ордена, это станет твоим концом. И тогда я не буду с тобой церемониться.

Антуан вытащил меч из земли, вложил его в ножны, взял Лу Цзинцяня за руку и увёл его.

— Хирен! Не уходи, Хирен! — Чакс, преодолевая боль, поднялся с земли и отчаянно закричал, пытаясь вызвать жалость у Лу Цзинцяня.

Антуан не посадил Лу Цзинцяня в карету, а усадил к себе на лошадь и поскакал, развивая такую скорость, что многие на улице испугались.

Лу Цзинцянь чувствовал эмоциональное волнение Антуана. Он думал, что теперь, когда личность Бонии раскрыта и он находится под их контролем, пришло время дать Антуану ответ и успокоить его.

Едва они вернулись домой, Антуан сразу же привёл Лу Цзинцяня в свою комнату. Тот открыл рот, чтобы что-то сказать, но Антуан поцеловал его.

Поцелуй был сильным и властным, Лу Цзинцянь не мог вырваться и только покорно принимал его. Он думал, что, когда поцелуй закончится, он скажет Антуану, что после долгих раздумий готов принять их чувства и они могут попробовать начать отношения.

Но Лу Цзинцянь устал от поцелуя, губы онемели, язык затекал, поцелуй не заканчивался, и Антуан прижал его к кровати.

<http://bllate.org/book/16839/1548992>